

У меня отчаяние ответственности

За последние пять лет в семи московских театрах сменилось художественное руководство. Кое-где неоднократно. Впрочем, нельзя сказать, что это многое изменило. Деятельность нового руководства порой просто не видна, порой провоцирует самые спорные мнения. В бесспорной оптимистической ситуации оказался разве что Театр имени Пушкина, который вот уже третий сезон возглавляет Роман КОЗАК. Театр, более чем средний и по художественному уровню, и по зрительской посещаемости, за этот небольшой отрезок времени Козак умудрился вывести на передовые позиции, притом ничего не ломая, не перестраивая и не вызывая громких скандалов. Филиал, ставший любопытной экспериментальной площадкой, притянул к себе все новое, включая драму, режиссуру и публику.

На Основной сцене вновь появились аншлаги.

— Роман Ефимович, быть может, у вас существует какой-либо индивидуальный рецепт успеха? Иначе как из множества театральных путей выбрать единственно правильный?

— Честно говоря, у меня нет времени анализировать собственные успехи. Скажу лишь, что впереди всегда идет интуиция. Я ощущаю, что в данный момент нужно это, в таком-то стиле, с такими-то людьми. Потом нечто другое. Есть, наверное, два рода интуиции — стратегическая и тактическая. Это я сейчас на ходу придумываю концепцию.

— Публично вы ее, если я не ошибаюсь, так до сих пор и не озвучили?

— Да я и не люблю этого. К тому же никаких специальных рецептов не придумывал и не придумываю. Более того, я бы не сказал, что эти три сезона — полоса сплошных удач, это было бы очень подозрительно. Случались и неудачи. А помимо интуиции что-то ведь в меня и учителями заложено, какие-то знания и умения переданы.

— Почему же тогда не удался ваш прошлый «руководящий» опыт в Театре имени Станиславского?

— В тот момент это было не мое дело, и понял я это где-то спустя полгода после прихода в театр. У моей неуверенности были две составляющие. Во-первых, «исполняя обязанности» руководителя театра, я не владел ситуацией в той мере, в какой должен был владеть. Все равно я был винтиком в чужой машине. Во-вторых, я очень быстро понял, что делаю неудачный спектакль, но остановить это уже не мог. Не в моих правилах не закончить того, что начал. Закончив же, я убедился, что это нехорошо. Поэтому и решил не продолжать.

— Вы достаточно успешно зарекомендовали себя в качестве свободного режиссера, работающего с такими же свободными артистами. Сегодня вообще эта модель театрального существования безмерно популярна. Вы же продолжаете отстаивать принцип «театра-дома». Почему?

— Я понимаю тех худруков, которые хотят этот принцип поскорее забыть, чтобы с помощью контрактов всеми управлять. Но на самом деле эта ситуация не столь проста. Театр сам по себе не может перейти на контрактную систему, потому что он — часть государства. Вот когда КЗОТ к этому придет, тогда и театры подтянутся. Сегодня же все эти стенания — ах, дайте мне контракт, и я горы сверну! — кажутся мне утопическими, иллюзорными.

Хотя в Театре имени Пушкина у

меня несколько артистов работает на договорах. Это Александр Феклистов, Николай Фоменко, Андрей Панин, Оксана Мысина. При этом я не считаю, что они вне «дома». Они такие же его обитатели. Все зависит от того, как построить внутри этого «дома» систему взаимоотношений. Очень просто превратить театр в сеть «открытых площадок». Наверное, рано или поздно так и будет. И я уже говорил, что ощущаю себя на каком-то островке.

— С другой стороны, приходит новый режиссер в театр, там труппа в 50 человек, 20 из которых его не устраивают. Как быть?

— Ну, у меня другие цифры. А как быть? Во-первых, не торопиться с выводами, потому что первые впечатления обычно оказываются ошибочными. Как легко сказать: ах, это все давно истлело, никуда не годится, после чего взмахнуть шашкой. Но каждого актера надо проверить в работе. Я об этом сказал в первый же день, добавив, что никого не буду отсюда «выживать». И пытаюсь свое слово держать. Наверное, я в этом смысле человек консервативный.

— И все же есть ли в труппе артисты, не занятые ни в одном спектакле?

— Нет. На сегодняшний день я уже распределил работу в спектаклях следующего сезона так, что будут заняты абсолютно все. Кроме Александра Пороховщикова, который не работает в театре уже несколько лет по разным причинам, но числится в труппе, и Александра Пескова, отказавшегося от ролей и ведущего автономную жизнь. Все остальные заняты. Другое дело, что роли могут быть маленькими, эпизодическими.

— Неизбежные конфликты, возникающие при смене руководства, обошли ваш театр стороной или вы просто не даете им просочиться в прессу?

— У меня на это времени нет. Наверное, люди это понимают, и им становится скучно все затевать. К тому же, придя в театр, я ощутил здесь достаточно интеллигентную и теплую атмосферу, до меня созданную. Поэтому все лавры на себя брать не буду.

— Как глава «дома» вы испытываете чувство личной ответственности за каждого его жителя?

— Приходится. Хотя иногда это доводит до отчаяния. Может, воспитание мое такое? Но я бы не хотел, чтобы у вас создавался портрет идеального человека и руководителя. Я пытаюсь балансировать между своими желаниями и нежеланиями. Естественно, за кого-то я несу большую ответственность, потому что за эти годы в театр пришла группа моих учеников. Далее, пока моя фамилия

Р. Козак

значится на афише театра, я отвечаю и за его репертуар, хотя практически половина его была создана до меня. Эту половину я считаю худшей в мире, и мне очень грустно, что она пока существует. Попытаюсь, насколько это возможно быстро, что-то изменить. Вот такая ответственность отчаяния или отчаяние ответственности.

— Легко ли согласуются ваши собственные творческие взгляды на театр и его путь с аналогичными у ведущих артистов?

— Пожалуйста, простой пример. Игорь Бочкин и Вера Алентова, личности абсолютно самодостаточные, со своими очень крепкими взглядами и на искусство, и на жизнь. Придя в театр, я понял, что надо будет обязательно делать с ними спектакль. К счастью, нашлась старинная пьеса Александра Галина «Наваждение», и тут наши взгляды, что называется, стали касаться углами. В итоге, по моему, получилась нормальная и нестыдная работа, где мы сошлись. А вообще, это как в жизни и любви. Сначала надо поцеловаться, потом поухаживать, потом погулять. Не сразу в койку, иначе может произойти катастрофа. Правда, изредка все же так следует поступать — сразу. Но это как раз тот случай, где надо было сначала поцеловаться.

— Примета нынешней театральной ситуации — безмерный интерес к «новой драме». В филиале театра она представлена, но не в вашем исполнении. Вас как режиссера она совсем не интересует?

— Очень интересует. Более того, скажу, что если театр не обрабатывает современные тексты, значит, он мертвый. Я иду. Я все время что-то читаю. Если бы видел, сколько пьес скопилось в моем компьютере. Может быть, набреду на что-то. Но я бы разграничил понятия современной

ча мест в зале. И мы не имеем права допустить, чтобы хоть одно место пустовало. И потом здесь энергетика другая. Способный режиссер это поймет.

— Шествие дилетантов по московским сценам вас не раздражает?

— А что? Это так легко! Я к этому отношусь как к явному знаку времени. Мы живем в эпоху дилетантов.

— Это нормально или хочется как-то противостоять?

— Я не принадлежу к породе инквизиторов. Ну что, сжигать их на кострах? Да пусть трепыхаются. Рано или поздно они все равно натолкнутся на собственный непрофессионализм. А бороться не стоит. Надо просто идти в репетиционный зал и делать то, что считаешь нужным. На этом поле воевать можно только своей работой.

— Изменились ли нынешние абитуриенты Школы-студии МХАТ, где вы преподаете? А может, пора что-то поменять в системе преподавания?

— Я бы добавил момент культурологизации, если можно так выразиться. А проще говоря, уровень мозгов и культуры у поступающих все темнее и темнее. Это не связано с их способностями. Приходят одаренные люди. Но нам надо больше времени, и пару лет до начала занятий по мастерству актера их следует учить разговаривать по-русски, читать по-русски. Короче, давать то, что полагается иметь человеку, который станет прямым передатчиком в области культуры. Вот это самая главная проблема для меня. Мы внедряем в их внутренний аппарат без учета того, что он просто не готов содержательно. В итоге из института выходят неплохие ребята, но они абсолютно внутренне пусты с точки зрения все того же содержания. Об этом мы с вами сегодня все время говорим. Мы оказались во времени, где отсутствует содержание. А эти люди — часть времени, они в нем родились.

— Ваши режиссерские амбиции удовлетворены сегодня только Театром имени Пушкина?

— Амбиции?
— Ну стремления, желания, мечты.

— За эти три сезона не было времени заниматься «стороной». Единственно, летом я преподаю в Бостоне в Гарвардской школе. Да, у меня есть предложения о постановке от Олега Табакова, от Рижского театра драмы. Если подвернется случай, образуется пауза, почему бы не сделать что-то параллельно? И денег заработать хочется, что и говорить. Я к этому отношусь нормально. Но все равно для меня главное — работа здесь.

— О деньгах действительно что и говорить? Не наступать ли горло собственной режиссерской песне вам сейчас в силу разных обстоятельств приходится?

— Пытаюсь этого не делать. В работе над моими здешними спектаклями я на компромиссы не шел. Делал то, что хотел как режиссер. И это, к счастью, совпадало с судьбой театра, которую я пытаюсь выстроить. Так что горло с песней пока совмещаю.

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

пьесы и «новой драмы». Что касается последней, то замечательно, что поиск легализован, обрел фестивальную форму и даже иногда воплощается в коммерческих проектах. Но по моим личным ощущениям, та планка, которую я внутренне ставлю перед любым драматическим произведением, у «новой драмы» находится ниже нужного уровня. За редкими исключениями могу две-три фамилии назвать, которые всем известны. Такая драма должна нести очень сильный содержательный заряд. Я бы так просто и сказал: новая драма — это новое содержание. Пока же это...

— ...новая форма.
— Абсолютно верно. У нее именно новые формы, а содержание старое или вообще отсутствует. Назвал бы это приукрашиванием пустоты. Очень хорошие и яркие мазки. Часто даже завидую: ну, я бы до такого не додумался. Такая белая зависть к малярам, которые эти мазки кладут. Но не проникаю. Хотя, может быть, это мои проблемы.

— То, что модные молодые режиссеры работают у вас исключительно на Камерной сцене филиала, — это некое эстетическое определение их места в театральной ситуации?

— Нет, Боже упаси! Нина Чусова скоро приступает к шекспировскому спектаклю на Большой сцене. С Кириллом Серебренниковым названы перебрываемые по тому же поводу. А филиал — это просто место эксперимента.

— Но тот же Серебренников — сам по себе эксперимент.

— На Большой сцене он займется другим материалом.

— Надеетесь, что и работать будете по-другому?

— Естественно. Да и я буду с ним иначе разговаривать. Все-таки тыся-